

Вестник МИРБИС. 2026. № 2 (46): С. 243–250
Vestnik MIRBIS. 2026; 2 (46): 243–250

Научная статья
УДК: 316.77:659.3
DOI: 10.25634/MIRBIS.2026.2.25

Медиаемы как условие вирусности информационного беспорядка (MDM)

Валерий Леонидович Музыкант^{1,2}, Максим Е. Щербаков^{1,3}

Аннотация. В статье рассматриваются единицы информационного беспорядка (mis-information, dis-information и mal-information) и факторы их распространения с точки зрения медиаемов. Методом контент-анализа доказывается, что форма медиаема способствуют тиражированию и устойчивости информационного беспорядка в медиа среде, а также, что различные типы информационного беспорядка перенимают разные операционализированные характеристики медиаема (репликация, адаптация, мутация, кооперация, связь с общественным опытом), что влияет на их жизненный цикл.

Ключевые слова: фейк-ньюс, медиаем, мем, информационный беспорядок, дезинформация, ложная информация, недостоверная информация

Для цитирования: Музыкант В. Л. Медиаемы как условие вирусности информационного беспорядка (MDM) / В. Л. Музыкант, М. Е. Щербаков. DOI: 10.25634/MIRBIS.2026.2.25 // Вестник МИРБИС. 2026; 2:243–250.

Original article

Media memes as a driver of information disorder (MDM) virality

Valeriy L. Muzykant^{4,5}, Maksim E. Shcherbakov^{4,6}

Abstract. The article examines units of informational disorder (misinformation, disinformation, and malinformation) and the factors contributing to their spread from the perspective of media memes. It is argued by the content-analyze method that the form of a media meme facilitates the replication and persistence of informational disorder in the information environment. Furthermore, it is demonstrated that different types of informational disorder adopt distinct operationalized characteristics of the media meme (replication, adaptation, mutation, cooperation, connection with social experience), which influence their lifecycle.

Key words: fake news, media meme, meme, informational disorder, disinformation, malinformation, misinformation

For citation: Muzykant V. L. Media memes as a driver of information disorder (MDM) virality. By V. L. Muzykant, M. E. Shcherbakov. DOI: 10.25634/MIRBIS.2026.2.25. Vestnik MIRBIS. 2026; 2:243–250 (in Russ.).

Введение

В эпоху постправды фейковые новости стали термин использовался для обозначения ложной не просто методом распространения дезинформации, которая стала вирусной, а тысячи мации, а одним из ключевых инструментов пропаганды и манипуляции общественным мнением. Понятие фейковые новости (*англ.* fake news) в различных академических исследованиях стало активно использоваться после президентских выборов в США 2016 года. Изначально этот термин использовался для обозначения ложной информации, которая стала вирусной, а тысячи людей принимали её за настоящие новости. При этом, обзор того, как этот термин использовался в различных академических исследованиях показал, что фейковые новости определялись как различные формы контента: от политической са-

1 Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва, Россия)

2 muzykant_vl@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9422-351X>

3 1132231775@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3018-5695>

4 Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University) (Moscow, Russia)

5 muzykant_vl@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9422-351X>

6 1132231775@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3018-5695>

7 © В. Л. Музыкант, М. Е. Щербаков, Институт МИРБИС, 2026
Вестник МИРБИС, 2026, № 2(46), с. 243–250.

8 © V. L. Muzykant, M. E. Shcherbakov, Institute MIRBIS, 2026
Vestnik MIRBIS, 2026, # 2(46), pp. 243–250

тиры и новостных пародий до государственной пропаганды и ложной рекламы [Tandoc 2019]. Также подчеркивается, что понятие фейковые новости политизировано и используется для дискредитации неугодных СМИ [Wardle 2017]. Помимо фейковых новостей возникли и иные понятия, описывающие ложную и злонамеренную информацию, такие как *deer fake*, *misinformation*, *malinformation*, объединенные в модель информационного беспорядка MDM [Сургуалдзе 2024].

Исследователи сходятся на том, что ключевая опасность информационного беспорядка, в частности, состоит в том, что они ложно изображают положение дел в мире или передают такое положение обманчивым образом, что помогает искажать и влиять на картину мира тех, кто получает их или верит им. Важно отметить, что «динамика передачи фейкового контента сравнима с передачей носителей инфекционных болезней» [Кривонов 2022], так как фейковые новости часто имеют вирусный характер распространения. В академических кругах появилась тенденция их изучения не столько с позиции их «фальшивости», сколько с понимания факторов, которые стимулируют пользователей к их распространению.

Наша гипотеза заключается в том, что единицы информационного беспорядка с целью вирусного распространения и устойчивого «выживания» в медиасреде принимают форму медиамемов и перенимают их ключевые характеристики (репликация, мутация, адаптация, комбинация с другими медиамемами, наличие «яркой упаковки» [Шомова 2019]), а разные типы информационного беспорядка (*mis-*, *dis-*, *malinformation*) демонстрируют различные меметические характеристики, где широким спектром представлены как вводящие в заблуждение, так и откровенно лживые новости. В зарубежных исследованиях было обозначено, что сближение и конвергенция динамик этих двух явлений возможны в настоящей цифровой среде. [Rodríguez-Ferrándiz 2023] Понимание того, что единицы информационного беспорядка сопоставимы по принципам репликации медиамемам может предложить новый взгляд на анализ политики постправды и факторов, обеспечивающих их репликацию. Таким образом, объектом нашего исследования является информационный беспорядок, а предметом — репликация его единиц в российском медиапространстве, рассмотренная с точки зрения меметики.

Наша задача — проанализировать принципы их тиражирования и их структурное строение на репрезентативной выборке и выявить ключевые различия между распространением ложной и злонамеренной информацией в медиапространствах России и США.

Обзор литературы и источников

Современные отечественные исследователи отмечают схожесть понятия «медиамем» с пониманием «психологического контагия» Бехтерева, «вирусного мема» Блэкмор, *Objets Viraux Informationnels* Фрэнка Бо и «медиа-вируса» Рашкоффа [Кузнецов 2022; Шомова 2019]. Все они подчеркивали вирусный характер распространения медиасообщений, реплицируемых в процессе коммуникации, которые могут быть инструментом психологического или политического влияния на определенную аудиторию. Отдельно отметим, что часто медиамем может являться выражением ценностей того или иного сообщества.

Так как «сегодняшнее понимание термина мем ближе всего к предложенному Рашкоффом медиавирусу» [Кузнецов 2022], важно отметить, что медиавирус — это мемплекс (т. е. комплекс мемов), который распространяется в инфосфере и может вызывать социальные перемены [Рашкофф 2003]. В этой концепции он состоит из двух частей — оболочки (визуальные коды, символы, артефакты, которые привлекают внимание, например, медийная личность, сексуальный скандал, изобретение, событие, имеющие провокационный, скандальный характер) и семантическое ядро, состоящее из информационно-культурных единиц, идеологического кода. При этом, Рашкофф предложил собственную классификацию медиавирусов: преднамеренно созданные, которые запускаются намеренно, чтобы распространить информацию о продукте или идеологии, кооптированные, которые возникают спонтанно, но быстро подхватываются заинтересованными группами, промоутирующими через них собственные концепции, и самозарождающиеся, которые появляются в медиа спонтанно и распространяются за счет резонанса или драматического отклика у аудитории.

В отчете для Совета Европы указано, что сообщения информационного беспорядка становятся вирусными благодаря четырем ключевым факторам: эмоционального отклика, сильного визуального компонента, нарратива, повторе-

ния [Wardle 2017]. Как отмечают исследователи, фейковые новости используют сенсационность, кликбейт, партийную предвзятость, а также привлекающие внимание форматы (макроизображения с цитатами знаменитостей, шокирующие видео и т. д.), чтобы обратить на себя внимание аудитории. Их распространение ускоряет эмоциональный отклик: страх, непонимание, удивление, отвращение и т. д. При этом, фейк содержит информационное ядро (ложное утверждение, влияющее на мировосприятие), что позволяет поляризовать общество в зависимости от его партийных взглядов [Tandoc 2019].

Фейковые новости распространяются подобно медиамемам: они быстро реплицируются, адаптируются под локальные контексты и аудиторию, среди которой они распространяются, и мутируют. А их виральность объясняется не столько правдивостью или намеренной фальшивостью, сколько эмоциональностью, политической предвзятостью и эффектом повторения [Rodríguez-Ferrándiz 2023].

Материалы и методы

Ключевое зарубежное исследование, рассматривающее фейковые новости с точки зрения меметики, включает в себя анализ 4 фейков и их репликацию в американском медиапространстве [Rodríguez-Ferrándiz 2023]. В своем исследовании мы расширили выборку для получения репрезентативных данных и проведения качественного контент-анализа до разных форм единиц информационного беспорядка, таких как ложная связь и вводящий в заблуждение контент для мисинформации, ложный контекст, манипулятивный контент, сфабрикованный контент, контент-самозванец для дезинформации, утечки, травлю и язык вражды для мол-информации, которые распространялись в российском медиапространстве в период с ноября 2025 по апрель 2026 года.

Эмпирической базой исследования, благодаря которой нами был сформирован корпус примеров информационного беспорядка, выступил контент, распространяемый в федеральных российских СМИ и Telegram-каналах. Единицы контента были отобраны по принципу случайной выборки. Мы полагаем, что наша выборка адекватно отражает ситуацию с информационным беспорядком в российском медиапространстве,

так как Telegram обладает самым крупным количеством российской аудитории среди других мессенджеров, охватывая 76.5 % населения России по данным на март 2026 года¹, а процесс распространения контента в федеральных СМИ демонстрирует их информационную легитимность. Таким образом, горизонтальное распространение через Telegram и вертикальное через федеральные СМИ позволяет охватить оба ключевых вектора циркуляции информационного беспорядка в российском медиапространстве.

Далее мы проследили жизненный цикл (источник: первая публикация, идентифицируемая по временной метке), среда распространения, направление распространения (горизонтальное, вертикальное или смешанное), период распространения) каждой отдельной единицы контента с помощью сервиса аналитики TGStat и качественного контент-анализа материалов федеральных СМИ по ключевым словам, содержащим упоминания ключевых единиц сообщения (действующие лица, места, наименования и т. д.), определили её структурное содержание (тематическая доминанта, форма (текст, видео, картинка или комбинация), обратная связь/социальные сигналы (уровень вовлеченность, пересылки, тональность комментариев на основании ручного анализа), проанализировали с точки зрения ключевых операционализированных характеристик медиамема (репликации — количество обнаруженных копий, адаптации — изменение данных, мутации — смысловое изменение, кооперации — объединение с другим медиамемом, связь с общественным опытом — использование символов, архетипов, апелляция к ценностям).

Результаты

Эмпирический анализ 10 единиц информационного беспорядка, распространившихся в российском медиапространстве в период с ноября 2025 по апрель 2026 года, показал что все они демонстрируют ключевые характеристики медиамема — репликацию (от минимум 41 до свыше 3 000 копий), адаптацию под локальные контексты (смена региональной принадлежности, вариативность наименований, изменение под целевую аудиторию Telegram-каналов или СМИ, адаптация формата под контекст распространения, адаптацию нарративов), мутацию (смысловую, смену значе-

¹ Результат поискового запроса на сайте Mediascope, URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 16.03.2026).

Наименьший период распространения приобрел сфабрикованный контент про введение «Карты воронежца ДЛЯ СВОИХ», который распространялся горизонтально только 3 дня и приобрел всего 47 копий. Помимо быстрого опровержения кейс не стал вирусным из-за регионального контекста, отсутствия мутации и кооперации, несмотря на активную адаптацию форматов — deer-fake министра соцзащиты региона, ИИ-фотография карты, новостная заметка и их комбинация. Наибольшей же период распространения обрел манипулятивный контент про возможность «дистанционного управления человеческим телом». Реплицируемый горизонтально в каналах, посвященным теориям заговора, настоящий патент о дистанционном управлении функциями клеток организма при помощи радиочастотных волн, кооперировал с другими популярными мемами о вышках 5G, вакцинацию против Covid-19 и тайного заговора правительства. При этом, это единственный кейс, в котором не было обнаружено признаков мутации или адаптации при тиражировании.

Исключительным случаем с распространением сфабрикованного контента стало созданное с помощью ИИ видео с таксофоном, подключенному к мессенджеру MAX, названным «максофоном». Здесь важно уточнить, что в период с февраля 2026 года по настоящее время зафиксирован народный неологизм «максофон», обозначающий специальный телефон для установки мессенджера MAX. Изначально слово родилось как медиамем-концепт [Квят 2013], но затем само, как вирус, мутировало и породило ложный нарратив о несуществующем устройстве. 31 марта через Telegram-чаты распространилось упомянутое ранее ИИ-видео с локальной адаптацией (смена наименований городов, в которых якобы установили «максофон»: Москва, Краснодар, Пермь и др.) и адаптацией наименования («максофон» — «максотоп» (для десктопных устройств). По настоящее время в сети медиамем «максофон» употребляется и в значении «смартфона», и в значении «таксофона». Здесь мы видим мутацию malinformation (негативная коннотация устройства, саркастическое значение) в disinformation (сфабрикованное ИИ-видео).

В случае с «максофоном» мы видим, как стихийно возникший неологизм мутирует в технически подкреплённый (ИИ-видео) фейк, но

при этом сохраняет игровую, отчасти даже ироничную тональность, характерную для единиц disinformation.

Другим видом malinformation является утечка, как случившаяся в ноябре 2025 года утечка разговора Стива Уиткоффа и Юрия Ушакова, опубликованную в западных СМИ, получившая свыше 3000 репликаций. В отличие от предыдущего кейса, в случае с утечкой не произошло мутации, но была зафиксировала адаптация нарративов под разные целевые аудитории и политические контексты, а также появление сатирических пародий, коопераций с Интернет-мемами. Этот кейс является ярким примером того, как одна привлекающая внимание оболочка может использоваться для репликации различных смысловых ядер [Рашкофф 2003].

Самый высокий уровень «выживаемости» в медиасреде и способности к репликации показали единицы misinformation — вводящий в заблуждение контент и ложная связь, которые активно переняли характеристики медиамема в процессе тиражирования. Например, кейс новости «В школах России отменяют задания из-за ИИ» показал классическую мутацию в части эмоциональной эскалации: сначала появилась новость с формулировкой «обсуждают отмену», затем в процессе горизонтальной репликации в Telegram сменилась на «допускают отмену», а позже и вовсе на «отменяют». При этом, происходила локальная адаптация (указывались, как и вся Россия, так и конкретные регионы) и кооперация с Интернет-мемами при распространении в юмористических каналах, что значительно увеличило количество копий — до 402 — и усилило негативную тональность комментариев, увеличивающую количество пересылок и публикаций в чатах.

В случае ложной связи о «повышении взносов по ОМС для людей с лишним весом и курильщиков» распространение, начавшееся 11 марта продолжается и до конца апреля 2026 года, получив на момент исследования как минимум 1 918 зафиксированных копий. В этом кейсе происходит двойная адаптация — локальная («В России», «в Свердловской области» и др.) и под целевую аудиторию (одни каналы сообщают только о «курильщиках», другие — только про «людей с лишним весом»). Мутация также заключается в эмоциональной эскалации — от заголовка, связанным с предложением чиновника, медиасообщение

мутировало в «повысят взносы» и «введут налог на нездоровый образ жизни». А кооперация возникла как с Интернет-мемами и анекдотами, так и с фальшивой новостью о повышении налогов на выезд за границу.

Обсуждение

Анализ кейсов информационного беспорядка показал, что гипотеза о том, что для устойчивого «выживания» в медиасреде и успешного тиражирования единицы информационного беспорядка перенимают форму медиамемов и их характеристики, подтвердилась, так как каждый из кейсов перенял как минимум три из пяти ключевых характеристик (репликация, адаптация, мутация, кооперация, связь с общественным опытом).

Полученные результаты согласуются с положением статьи Родригес-Феррандиса о том, что фейковые новости распространяются подобно медиамемам. Однако в нашем исследовании мы рассмотрели не только сфабрикованный контент, но другие виды *disinformation*, а также единицы *mis-* и *malinformation*, которые, приобретая черты медиамема, показывают более долгую «выживаемость» в среде, чем единицы *disinformation*. Это позволяет утверждать, что информационный беспорядок подчиняется гипермеметической логике [Shifman 2014].

Временной анализ показал значимые различия между типами информационного беспорядка [Музыкант 2025]. *Disinformation* имела самый короткий срок тиражирования (3–10 дней), так как получала оперативные опровержения с последующим удалением исходного контента. *Misinformation* благодаря регулярной смысловой мутации и отсутствия злонамеренного распространения затрудняют опровержения, создают пространство для обсуждения и высокой вовлеченности, что увеличивает жизненный цикл до 50–90 дней. *Malinformation* обладает неограниченным периодом распространения, так как её невозможно «опровергнуть» в традиционном смысле, что способствует увеличению количества

адаптаций и усиления «выживаемости» в медиасреде. Таким образом, мутация является наиболее сильным предиктором высокой репликации, а адаптация и кооперация скорее способствуют «выживанию» среди «нишевой аудитории».

Заключение (Выводы)

Наше исследование вносит вклад в развитие меметического подхода к информационному беспорядку. Удалось доказать, что единицы информационного беспорядка подчиняются гипермеметической логике, перенимают структурные характеристики медиамема и тиражируются по тем же принципам, что и медиамемы. Определено ключевое различие между сроком тиражирования *dis-*, *mis-* и *malinformation* в российском медиапространстве и обнаружили значимость влияния смысловой мутации и наличия опровержения на их жизненный цикл. Уточнена типология Клэр Уордла и Хосейна Дерахшана наличием репликации, адаптации, мутации, кооперации и связи с общественным опытом. Таким образом, форма медиамема является необходимым условием виральности информационного беспорядка в цифровой среде. Практические выводы полезны для рассмотрения фактчекинговым и образовательным организациям. Короткий цикл жизни *disinformation* показывает значимость скорости реагирования на её появление в сети для прекращения репликации. Для *misinformation* необходимо не только опровергать вводящие в заблуждения сведения, но и отслеживать мутации. Для *malinformation* традиционный факт-чекинг бессилён, поэтому эффективным методом борьбы может выступить исключительно модерация контента и долгосрочная образовательная работа.

В будущих исследованиях целесообразно увеличить выборку до 50–100 единиц информационного беспорядка, включив в неё, в том числе, не опровергнутые единицы *disinformation*, а также отследить скорость распространения контента в информационном беспорядке.

Список источников

- Квят, А. Г. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход. EDN: PYCQRZ // Медиаскоп = Mediascope. 2013; 1:3. eISSN: 2074-8051.
- Кривоносов, А. Д. Эволюция фейков в эпоху диджитализации. EDN QVGFFN // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022; 6:174–177. ISSN: 2311-3464.
- Кузнецов И. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захватившей мир. Москва : Эксмо, 2022. 208 с. ISBN: 978-5-04-119007-1.

- Музыкант, В. Л. Фейк-нюс как феномен эпохи диджитал / В. Л. Музыкант, А. В. Овруцкий. DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.19. EDN: BRMXZT // Вестник МИРБИС. 2025; 4:170–182. eISSN: 2411-5703.
- Рашкофф, Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф ; пер. с англ. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2003. 368 с.
- Сургуладзе, В. Ш. Новые категории информационной борьбы: MIS-, dis-, malinformation и правовые последствия использования модели информационного беспорядка MDM. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9925. EDN: CFUKUM // Власть = The Authority. 2024; 32(1):23–30. ISSN: 2071-5358; eISSN: 2071-5366.
- Шомова, С. А. Мемы как они есть. Москва : Аспект Пресс, 2019. 136 с. ISBN: 978-5-7567-1017-5.
- Rodriguez Ferrandiz, R. For the Sake of Sharing: Fake News as Memes / R. Rodriguez Ferrandiz, S.-O. Cande, T. Hidalgo-Marí. DOI:10.4324/9781003299936-3 // Information Disorder: Algorithms and Society / ed. by M. Filimowicz. London ; New York : Routledge, 2023. pp.46-68. ISBN: 978-1032290782.
- Memes in Digital Culture / edited by L. Shifman. Cambridge, MA : MIT Press, 2014. 216 p. ISBN: 978-0-262-52543-5.
- Tandoc, E. C., Jr. The facts of fake news: A research review. DOI: 10.1111/soc4.12724 // Sociology Compass, 2019; 13(9):e12724.
- Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking / C. Wardle, H. Derakhshan ; with research support from A. Burns, N. Dias. Council of Europe, 2017. 109 p. Текст : электронный. URL: <https://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2017/10/Information-Disorder-Toward-an-interdisciplinary-framework.pdf> (дата обращения: 23.04.2026).

References

- Kvyat, A. G. Mediamem kak instrument politicheskogo PR: kognitivnyy podkhod [Media Meme as a Tool of Political PR: A Cognitive Approach]. EDN: PYCQRZ. *Mediascope*. 2013; 1:3. eISSN: 2074-8051 (in Russ.).
- Krivososov, A. D. Evolyutsiya feykov v epokhu didzhitalizatsii [The Evolution of Fakes in the Age of Digitalization]. EDN QVGFFN. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022; 6:174–177. ISSN: 2311-3464 (in Russ.).
- Kuznetsov, I. Memy. Nauchnyy vzglyad na fenomen pop-kul'tury, zakhvativshey mir [Memes. A Scientific Look at the Phenomenon of Pop Culture That Has Taken Over the World]. Moscow : Eksmo Publ., 2022. 208 p. ISBN: 978-5-04-119007-1 (in Russ.).
- Muzykant, V. L. Feyk-n'yus kak fenomen epokhi didzhital [Fake News as a Phenomenon of the Digital Age]. By V. L. Muzykant, A. V. Ovrutsky. DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.19. EDN: BRMXZT. *Vestnik MIRBIS*. 2025; 4:170–182. eISSN: 2411-5703 (in Russ.).
- Rashkoff, D. *Mediavirus! Kak pop-kul'tura tayno vozdeystvuyet na vashe soznaniye* [Media Virus! How Pop Culture Secretly Influences Your Consciousness]. By D. Rashkoff; trans. from English. Yekaterinburg : Ultra. Kultura Publ., 2003. 368 p. (in Russ.).
- Surguladze, V. Sh. Novyye kategorii informatsionnoy bor'by: MIS-, dis-, malinformation i pravovyye posledstviya ispol'zovaniya modeli informatsionnogo besporyadka MDM [New Categories of Information Warfare: MIS-, Dis-, Malinformation, and the Legal Consequences of Using the MDM Model of Information Disorder]. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9925. EDN: CFUKUM. *The Authority*. 2024; 32(1):23–30. ISSN: 2071-5358; eISSN: 2071-5366 (in Russ.).
- Shomova, S. A. *Memy kak oni yest'* [Memes as They Are]. Moscow : Aspect Press Publ., 2019. 136 p. ISBN: 978-5-7567-1017-5 (in Russ.).
- Rodriguez Ferrandiz R. For the Sake of Sharing: Fake News as Memes. By R. Rodriguez Ferrandiz, S.-O. Cande, T. Hidalgo-Marí. DOI:10.4324/9781003299936-3. *Information Disorder: Algorithms and Society*. Ed. by M. Filimowicz. London ; New York : Routledge, 2023. pp.46-68. ISBN: 978-1032290782.
- Memes in Digital Culture. Edited by L. Shifman. Cambridge, MA : MIT Press, 2014. 216 p. ISBN: 978-0-262-52543-5.
- Tandoc E. C., Jr. The facts of fake news: A research review. DOI: 10.1111/soc4.12724. *Sociology Compass*, 2019; 13(9):e12724.
- Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking / C. Wardle, H. Derakhshan ; with research support from A. Burns, N. Dias. Council of Europe, 2017. 109 p. Online text. Available at <https://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2017/10/Information-Disorder-Toward-an-interdisciplinary-framework.pdf> (accessed: 04/23/2026).

Информация об авторах:

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, SPIN-код: 4071-1550, Author ID: 389187; **Щербаков Максим Е.** — студент бакалавриата.

Место работы авторов: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН), ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия. ИНН: 7728073720.

Information about the authors:

Muzykant Valeriy L. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Mass Communications, Philological Faculty, SPIN-code: 4071-1550, Author ID: 389187; **Shcherbakov Maksim E.** — Bachelor's degree student.

Affiliation: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 26.06.2026.
The article was submitted 05/19/2026; approved after reviewing 06/26/2026; accepted for publication 06/26/2026.*